

Федотова А. А.

ORCID: 0000-0001-7948-1385

Екатеринбург, Россия

E-mail: alexandrdb@mail.ru

УДК 821.161.1-1(Блок А.)

DOI: 10.26170 / 2306-7462_2022_01_09

ЛИКИ РОССИИ В ЦИКЛЕ А. БЛОКА «РОДИНА»

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению женских образов в цикле А. А. Блока «Родина». Теоретическая основа статьи – работы З. Г. Минц, Б. И. Соловьева, В. Н. Орлова, А. В. Лаврова, С. Н. Бройтмана, А. Г. Кулик. Базовым в статье является понятие «лирический цикл» (в понимании М. Н. Дарвина, И. В. Фоменко). Выявлены женские образы, представленные в цикле (Светлая жена, русская красавица, бедная жена, мать). Представлена попытка типологизации женских образов, выделены четыре группы. В конце статьи высказано предположение о том, что интегральным образом выступает «родная Галилея», обосновано его символическое значение для героя-«невоскресшего Христа».

Ключевые слова: лирические циклы; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; лирические жанры; поэтические образы; женский образ; поэтические мотивы; русский символизм.

Fedotova A. A.

Ekaterinburg, Russia

FACES OF RUSSIA IN THE CYCLE OF A. BLOK “RODINA” (“MOTHERLAND”)

Abstract. The article discusses the women's figures in the series “Motherland” by A. A. Blok. The theoretical basis of the article is in the works of Z. G. Mints, B. I. Solovyov, V. N. Orlov, A. V. Lavrov, S. N. Broytman, A. G. Kulik. The general term of the article is “lyrical cycle”, based on the works of M. N. Darvin, I. V. Fomenko. There are women's images presented in the series (bright wife, Russian beauty, poor wife, mother). There is an attempt to make a typology of the women's images, four groups of them are made. In the end of the article there is an assumption that the integral image is “dear Galilee”. It also has a symbolic meaning for the character – “non-resurrected Christ”.

Keywords: lyrical cycles; Russian poetry; Russian poets; poetic creativity; lyrical genres; poetic images; female image; poetic motives; Russian symbolism.

Творчество А. А. Блока изучено достаточно полно (назовём классические исследования З. Г. Минц «Блок и русский символизм», Г. П. Федотова «На поле Куликовом», А. Е. Горелова «Гроза над соловьиным садом», Д. Е. Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока», Б. И. Соловьева «Поэт и его подвиг», В. Н. Орлова «Гамаюн. Жизнь Александра Блока», А. А. Якобсона «Конец трагедии»). Немало работ посвящено и циклу «Родина» – ключевому в лирике А. Блока. Б. И. Соловьев акцентировал лично-лирическое звучание темы Родины у А. Блока, герой цикла не только «воин», но и конкретный человек, «я», со своей судьбой, надеждами и сомнениями, силой и слабостью. В. Н. Орлов сосредоточил внимание на устремленности А. Блока к будущему России. По словам З. Г. Минц, в 1907-1908 гг. формируются весьма существенные для позднего А. Блока черты поэтики, сочетающей реалистические традиции с глубинной символичностью образа. Вместе с тем, система женских образов в цикле ещё не была рассмотрена исследователями в качестве центрального предмета исследования. Цель статьи – рассмотреть женские образы в цикле «Родина», разделить их на группы, наметив иерархию, определить интегральный образ в цикле и его символическое значение.

Понятие «цикл» употребляется в двух значениях: широком и тер-

минологическом, то есть узком, на что указывает М. Н. Дарвин в работе «Циклизация в лирике» [Дарвин 1996]. В широком значении цикл – это ряд произведений, которые объединены общим признаком. Этим признаком может быть жанр, тема, символика и так далее. Цикл в узком, терминологическом значении – это жанровое образование, отличающееся особыми отношениями между стихотворением и контекстом. В таком понимании, как пишет И. В. Фоменко, цикл даёт возможность автору воплотить в стихотворной системе свои взгляды [Фоменко 1990].

В творчестве А. Блока возможности циклизации нашли наиболее полное своё воплощение [Кулик 2007: 3]. Его поэзия демонстрирует художественное совершенство лирической циклизации.

Заданная автором последовательность стихотворений составляет цикл. Поэт даёт опорные точки, создающие движение ассоциаций. Событийный ряд, который привычен для нас, в лирическом цикле отсутствует. Однако в контексте есть сюжетная ситуация, придающая событийность. Эта совокупность стихотворений порождает смысловой эффект, общий для всех произведений. По словам Л. Я. Гинзбург, «поэтическая мысль Блока кристаллизуется именно в циклах» [Кулик 2007: 10].

Цикл А. Блока «Родина» – гордость русской поэзии. Временные рамки создания стихотворений, составивших цикл «Родина», – 1907-1916 гг. По словам З. Г. Минц, в 1910-е гг. А. Блок обратился к глубоко личной и одновременно традиционной теме русской поэзии – Родине, её судьбе и судьбе художника, неразрывно с ней связанного [Минц 1980-1983].

Для поэта тема родины всегда была особенной. В частности, эта особенность связана с теми женскими образами, которые встречаются в цикле. На его протяжении реализуются и различные грани образа родины.

Первый же образ, данный в стихотворении-эпиграфе к циклу, – «родная Галилея» – задает предельно обобщённый, библейский масштаб всем дальнейшим стихотворениям. Галилея – духовная прародина для лирического героя, а значит, Христа.

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где преклонить ему главу [Блок 1960: 246].

Герой стихотворения, «Сын человеческий», ощущает бездомность и одиночество, он устал нести крест, данный ему, «невоскрешшему Христу». Лирический герой призван был спасти человечество, он обращается к своей духовной прародине, зная, что только она способна понять его. Однако подчеркнут мотив невоскресения, герой оказался бессильным в столкновении с реальностью «страшного мира», не выполнил своей высокой миссии. Образ «Ты» в стихотворении многозначен: это и жена, и Богоматерь, и Вечная Женственность, и родина. Герой лишен её поддержки, возможно, по своей вине, он ощущает внутреннее сиротство без поддержки этой высокой силы («Твою я понял высоту») и, кажется, испытывает чувство вины.

В следующем стихотворении «В густой траве пропадешь с головой...» мы видим образ княгини как некоего идеала уже не в общечеловеческом смысле, а национально-специфичном: образ княгини (статной, с длинной косой) перекликается с древнерусской традицией. В стихотворении присутствуют фольклорные мотивы в описании растений и дома (густая трава, повилика, розы). Описание природы в стихотворении символизирует женскую любовь. Особые оттенки смысла заложены в упоминаемой А. Блоком повилике.

Н. А. Криничная в статье «Всем травам матери...» характеризует плакун-траву (повилику) как некий сакральный знак-символ. Его языческие признаки сохранены, но также присутствует потенция к христианизации [Криничная, 1998: 114]. А. Блок называет прекрасные растения, сочетающие в себе нежность и остроту шипов:

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась... [Блок 1960: 247].

Цветы повилики раскрываются на утренней заре. А. В. Лавров в книге «Символисты и другие» приводит эпизоды с повиликой из жизни и поэзии Вяч. Иванова и Чеботаревской (жены Федора Сологуба). У Вяч. Иванова повилика – символ верности (стихотворение «Повилики»): «А на второе утро В. И. повел нас в беседку <...> и прочел мне и Лидии Дмитриевне написанное им стихотворение» [Лавров 2015]. Таким образом, сопровождающие образ княгини розы и повилики имеют в стихотворении А. Блока довольно широкое значение: символ женственности, красоты, расцвета, верности, но и печали, разлуки, увядания (повилика вилась «вчера»).

Образ «низкого дома» также является амбивалентным: в нём и уют, и нечто застывшее и неподвижное, «душное». «Низкий дом» воспринимается как надежное пристанище, где можно скрыться от бед и невзгод. Можно предположить, что мотивы данного стихотворения перекликаются с образностью «Слова о полку Игореве», а княгиня напоминает Ярославну, ждущую своего князя-воина. Однако в стихотворении А. Блока княгиня, в отличие от Ярославны, сама благословляет героя на битву:

Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» –
И опять за травой колокольчик звенит... [Блок 1960: 247]

Далее в цикле из пяти стихотворений «На поле Куликовом» возникают разные, противоречащие друг другу женские образы. Образ жены-княгини присутствует во втором четверостишии первого стихотворения, однако это уже не просто жена, но символ Руси:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь! [Блок 1960: 249]

За ним следует образ Богоматери (Светлой жены):

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена! [Блок 1960: 250]
<...>
И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда [Блок 1960: 251].

Образ «Светлой жены» символизирует духовное начало и вечную женственность, способную гармонизировать хаос «страшного мира», возвысить душу героя-воина.

Однако далее появляется образ страстной девы:

Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой! [Блок 1960: 252]

С. Н. Бройтман утверждал, что лирический герой А. Блока – неосинкретический субъект. Исследователь указал на выраженный параллелизм родины и женщины. Следовательно, жена в цикле является обобщённым образом: Русь-жена. Целое строится на символических соответствиях: «я»-символ нераздельный, но и неслиянный с «я»-конкретным лирическим героем А. Блока: участник Куликовской битвы, он же «князь» / вождь и одновременно «жених» Её; синкретичен и женский образ: ты / природа, любимая, родина, мать, Ты [Бройтман 2005]. В результате образ Жены лишается однозначности и абсолютной гармоничности, её душа так же таит мятежные страсти, как и душа лирического героя. Не случайно в стихотворении «Россия» говорится о «разбойной красе» статной девицы-России.

А в стихотворении «Осенний день» родина предстает в образе жены – близкого человека, «подруги»:

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной... [Блок 1960: 257].

Вместе с тем, параллелизм последних строк уравнивает «жену» и страну в целом:

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь? [Блок 1960: 257]

Это женский образ, одновременно конкретный и обобщённый, продиктован, в первую очередь, ответственностью лирического героя за свою страну. Характерно, что и лирический герой, и «бедная жена» находятся в пути, они даны не в замкнутом пространстве усадьбы, терема, города, а устремлены вдаль:

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётom журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?... [Блок 1960: 257]

Нельзя не отметить светлую элегическую грусть, которая соответствует осени. Настроение в этот период меланхолическое, улетающие журавли символизируют печаль и в то же время начало чего-то нового.

Образ девушки из народа встречается в произведении «На железной дороге». Он подчёркивает неразрывную связь страны и человека в ней. Россия и народ – одно целое. Юная девушка гибнет в трагических обстоятельствах поруганной любви:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая... [Блок 1960: 260].

Далее в стихотворении образ погибшей девушки соотносится с юностью, обманувшей не только её саму, но и лирического героя («Так мчалась юность бесполезная, / В пустых мечтах изнемогающая...»), а «тоска дорожная, железная» гнетёт не только лирического героя, но и остальных: «Молчали желтые и синие, / В зеленых плакали и пели». Железная дорога выступает символом новой, «железной», капиталистической жизни, разрушающей старый патриархальный уклад.

Но в цикле есть и стихотворение о возможном будущем России. В стихотворении «Новая Америка» мы видим контрастные образы. Сначала страна предстает в облике монашенки или старушки:

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами – кресты, да кресты... [Блок 1960: 263]

Кресты напоминают не только о православных церквах, но и о кладбищах, затерянных «под метелицей дикой» в «убогой финской Руси», покоящейся «во гробе». Далее за образом старой богомолки начинается сквозить новый лик – невесты.

Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих! [Блок 1960: 264]

«Черный уголь – подземный мессия», «царь и жених» выступают в этом стихотворении символом будущего промышленного преобразования страны, хотя пока видны только на диком просторе «города из рабочих лачуг». В стихотворении выражена вера в то, что народная душа выдержит все испытания, она молода и полна сил:

Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Однако в финальном стихотворении «Коршун» лирический герой задумывается не только о прошлом и настоящем России, но с тревогой вглядывается в её будущее:

Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить? [Блок 1960: 281]

Поэт словно возвращается к самой традиционной ипостаси России – родина-мать.

Таким образом, цикл посвящён раздумьям о прошлом, настоящем и будущем России. Женские облики в цикле «Родина» многообразны, как внутренне противоречива и сама страна: легендарная Русь; бесстрашная красавица, неподвластная чародею; бедная жена; невеста; мать. Россия и родная Галилея, но и – «роковая», «финская», «убогая». Разные роли в каждом стихотворении раскрываются по-особенному, вместе с тем переключаясь и взаимодополняя друг друга в контексте цикла. Контрасты создают эффект противоречий.

Можно выделить четыре группы, объединяющие все женские образы цикла:

1. Родная Галилея, родина-жизнь, родина-судьба, «роковая, родная страна».
2. Богоматерь, Светлая жена – духовное начало, спасительная Вечная Женственность.
3. Жена, подруга, невеста, любимая, девушка из народа.
4. Мать, старушка.

Женские образы в цикле развиваются от библейски-обобщённых до почти биографически-конкретных и вписанных в современную ситуацию. В стихотворении «Рожденные в года глухие...» появляется конкретно-исторический контекст 1900-х годов, а родина-мать предстает в облике современной поэту России.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Возвьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое! [Блок 1960: 278]

Обобщённое «мы» подчёркивает «роковую пустоту» в душах людей. Однако «смертное ложе» изживших себя поколений даёт надежду новым людям увидеть Царство Божие.

В начале цикла было «Я» – Христос, не выполнивший своего предназначения, лишённый чуда воскресения. Однако по мере развития цикла начинает звучать мысль о том, что будущие поколения смогут воплотить мечту о новой России – родной Галилее.

Образ Родной Галилеи можно считать интегральным символом, так как это библейский образ, задающий масштаб всем стихотворениям цикла. Общее во всех женских образах – соотнесенность с Вечной Женственностью, приобретающей у А. Блока в этот период воплощенный образ родины, жены и матери.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах: Том 3. Стихотворения и поэмы 1907-1921. М.; Л.: Художественная литература, 1960. С. 246-281.

Бройтман С. Н. М. Цветаева и А. Блок // Новый филологический вестник. 2005. №1. С. 7-37.

Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 1996. 43 с.

Криничная Н. А. «Всем травам мати...» (фольклорно-этнографический комментарий к образу плакун-травы в поэзии А. Блока и Н. Клюева) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5 (Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2). С. 112-121.

Кулик А. Г. Лирическая циклизация как особый тип текстопостроения (на материале третьего тома «Лирической трилогии» А. Блока): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверь, 2007. 20 с.

Лавров А. В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 768 с.

Мицз З. Г. Александр Блок // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980-1983. Т. 4., 1983. С. 534-535.

Орлов В. Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М.: Известия, 1981. 719 с.

Соловьев Б. И. Поэт и его подвиг. М.: Советская Россия, 1973. 749 с.

Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1990. 34 с.

REFERENCES

Blok A. A. Sbornie sochineniy v vos'mi tomakh: Tom 3. Stikhotvo-reniya i poemu 1907-1921. M.; L.: Khudozhestvennaya literatura, 1960. S. 246-281.

Broytman S. N. M. Tsvetaeva i A. Blok // Novyy filologicheskyy vestnik. 2005. №1. S. 7-37.

Darvin M. N. Tsiklizatsiya v lirike. Istoricheskie puti i khudozhestvennyye formy: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 1996. 43 s.

Krinichnaya N. A. «Vsem travam mati...» (fol'klorno-etnograficheskii kommentariy k obrazu plakun-travy v poezii A. Bloka i N. Klyueva) // Problemy istoricheskoy poetiki. Petroza-vodsk: Izd-vo PetrGU, 1998. Vyp. 5 (Evangel'skiy tekst v russkoy li-terature KhVIII-KhKh vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Vyp. 2). S. 112-121.

Kulik A. G. Liricheskaya tsiklizatsiya kak osobyy tip tekstopostroeniya (na materiale tret'ego toma «Liricheskoy trilogii» A. Bloka): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Tver', 2007. 20 s.

Lavrov A. V. Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniya. Publika-tsii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 768 s.

Mints Z. G. Aleksandr Blok // Istoriya russkoy literatury: V 4 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980-1983. T. 4., 1983. S. 534-535.

Orlov V. N. Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka. M.: Izvestiya, 1981. 719 s.

Solov'ev B. I. Poet i ego podvig. M.: Sovetskaya Rossiya, 1973. 749 s.

Fomenko I. V. Poetika liricheskogo tsikla: avtoreferat disser-tatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. M., 1990. 34 s.

Научный руководитель: Барковская Н. В., д.ф.н., проф., проф. кафедры литературы и методики её преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Данные об авторе

Федотова Александра Андреевна – магистрант 2 курса института филологии и межкультурной коммуникации УрГПУ
E-mail: alexandrab@mail.ru

Author's information

Fedotova Aleksandra Andreevna – a master's student of the 2nd year institute of the philology and intercultural communication USPU
E-mail: alexandrab@mail.ru